

Иван ОБРАЗЦОВ

«СИБИРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» – ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ

В литературоведческой среде до сих пор остаётся широко применимым термин «сибирская литература», на эту тему пишутся статьи, проводятся конференции и проч. и проч. В писательской среде также присутствует некоторая степень популярности «сибирской литературы» (по тому же популяризаторскому принципу, по которому существует, например, «уральская литература» или «уральская поэзия»). Здесь сразу хочется заметить, что само понятие «сибирская литература» является региональной мифологемой без ясного описания, что, впрочем, не мешает обнаружить именно сегодня основания для практического развития данной мифологемы. Ниже следует краткий исторический обзор возникновения понятия «сибирская литература» и предложены некоторые варианты актуализации этой темы.

Миф — это не только реконструированная мысль общества о самом себе и об установленном этим обществом миропорядке, но и мучительное повторение мечтаний о возможном миропорядке, который мог бы стать юридическим фактом, но, не реализовавшись, отошёл в категорию артефакта, исторического прецедента. Одним из примеров подобного артефакта является семантически невнятная мифологема «сибирская литература».

Будучи мифологемой, «сибирская литература» несёт в себе исходную неоднозначность и двусмысленность. Для узкоспециальных научных статей «сибирская литература» есть что-то, подобное термину «сибирский текст», но с лексической точки зрения мифологема «сибирская литература» не несёт какого-либо ясного смысла, что и делает это понятие мифологемой. Можно даже сказать, что именно такая «размытость» и даже двусмысленность мифологемы позволяет из года в год выпускать литературоведческие статьи, в которых тот или иной текст объявляется «сибирской литературой».

Но что это вообще за навязчивая идея о существовании «сибирской литературы»? Судя по всему, истоки данного мифотворчества следует искать в истории, которая началась совсем не с литературы, а с политических движений мысли. Начало формированию мифа положил Григорий Потанин — в середине XIX в. активный сторонник и ключевой автор идеи о суверенной Сибирской территории, к которому примкнуло значительное количество сибирской интеллигенции, в том числе из политических ссыльных. Всё это вылилось в движение, а позже и в политическое дело «сибирских областников». Далее в своём знаменитом труде «Сибирь как колония» эту идею развил Николай Ядринцев, а к началу XX в. политическая мысль о суверенной Сибири стала уже чем-то вроде мейнстрима и само собой разумеющегося факта. Так как каждый образованный сибирский политссыльный считал своим долгом оставлять эпистолярное, публицистическое и в конце концов художественно-литературное наследие, то появление мифологемы «сибирская литература» оказалось лишь следствием бытовавших изначально политических идей.

В советский период мифологема «сибирская литература» сформировалась, закрепились и усилились из соображений исключительно идеологических. «Сибирские писатели» были наделены особым революционным статусом «борцов с эксплуататорским царским режимом» (что, в общем-то, было чистой правдой). Важно то, что «сибирские писатели» назывались поимённо и включались в этот мысленный литклуб ретроспективно, формируя своим статусом исторический миф в парадигме новой государственной идеологии.

Однако законы существования развивающегося в советской России гуманитарного научного сообщества внесли в этот процесс свои коррективы, которые рождались из необходимости регулярного появления статей и исследований для оправдания получаемых или полученных учёных степеней. Именно гуманитарное научное сообщество как один из общественных институтов произвело на свет и превратило в поп-ида мифологему «сибирская литература» в том изводе, который и известен сегодня в самых широких кругах участников так называемого литературного процесса.

Разумеется, советское писательское сообщество, будучи в зависимом и даже в чём-то подчинённом положении относительно гуманитарного научного сообщества, активно включилось в процесс укрепления мифологемы. Участие в процессе давало специфическое преимущество для региональных авторов, которое заключалось в особой выгоде выделения себя на фоне «столичных» центров Москвы и Ленинграда. Это отобразилось даже во внешней канонизации «сибирского писателя», чьей особенностью часто было наличие бороды или усов, простота или нарочитая «народность» внешнего вида и стиля одежды. Таким образом, миф о «сибирской литературе» получил ещё и визуальное воплощение, к которому так или иначе примкнули писатели «деревенщики», которые сегодня довольно часто и ассоциируются с «сибирской литературой» (Астафьев, Шукшин).

При смене государственного строя в начале 1990-х актуальность сибирской мифологемы инерционно сохранялась и не ощущала изменения социально-политических и экономических процессов. Так было до тех пор, пока не случилось тотальных перемен в области массовых коммуникаций. Появление глобальной сети интернет и активное развитие мессенджеров нанесли сокрушительный удар по всем мифологемам доинформационного периода, и «сибирская литература» размазалась по дискуссионному полю тонким слоем.

Сегодня это словосочетание означает всё что угодно, в зависимости от того, кто его употребляет и в каком контексте, но именно сегодня стало очевидным отсутствие у этой мифологемы ясного содержания. Самые устойчивые позиции сохраняются у «сибирской литературы» в узкоспециальном секторе филологического и исторического дискурсов, и то лишь потому, что в этих сферах извлекается прямая выгода в виде статей, пополняющих портфолио агентов влияния (литературоведов и культурологов, например) в области гуманитарных наук (рецензионные материалы указанных агентов становятся впоследствии базой для формирования писательского канона в академической среде). В современном общественном сознании «сибирская литература» существует в виде размытого артефакта, и любая попытка ясного определения того, что и по каким признакам можно так наименовать, неизбежно терпит поражение.

Размытость и двусмысленность мифологемы «сибирская литература» происходит из очевидного отсутствия «сибирского языка», так как именно язык определяет ясно и точно принадлежность любого литературного текста.

Литература, как известно, появляется лишь в развитых формах языка, то есть на той его стадии развития, когда язык имеет все необходимые формы для описания философских, научных и политических понятий. Тем не менее, политические идеи могут становиться основой для появления как бы несуществующих литератур, одним из примеров которых и является мифологема «сибирская литература». Это ответ на определённый общественный запрос, но особого статуса. Когда подобный тип общественного запроса присутствует в так называемом столичном культурном пространстве, то итогом становится русская художественная литература вообще (например, «Горе от ума», «Бесы», «Что делать?»). В случае «сибирской литературы» общественный, то есть — политический запрос становится как бы заменой «языка», определяя принадлежность литературного произведения.

То есть определение литературы сибирского региона происходит не столько через русский язык произведения (по этому признаку «сибирская литература» есть русская литература), сколько через духовно-социальную основу авторского мировоззрения и в конце концов — через семантику используемого в произведениях языка. Однако, учитывая исторические обстоятельства, способствовавшие появлению мифологемы, оказывается возможным не столько дать точное определение, сколько попытаться классифицировать «сибирскую литературу» через призму социально-политического и философского анализа содержания текстового дискурса.

Начиная от текстов Потанина и Ядринцева и до условно «новосибирских» (Дмитрий Рябов) или «иркутских» (Андрей Антипин) текстов современности можно проследить некоторые особенности, которые позволяют произвести условное деление на два дискуссионных течения внутри мифологемы «сибирская литература». Признаки и наименования этих дискуссионных течений следующие:

1. Частотность и центральная тема — социальный человек, человек классовый. Это можно именовать «интеллигентским марксизмом»;

2. Частотность и центральная тема — духовный человек, Бог, метафизика и духовная прагматика. Это довольно точно можно обозначить таким понятием, как «буржуазный мистицизм».

Надо заметить, что эти два течения так или иначе существуют параллельно, но в зависимости от исторических обстоятельств и особенностей государственного строя в центре внимания может оказываться только одно из них. Причём отдалённость сибирских территорий от исторических столиц российского государства создаёт условия для возникновения инверсии, то есть в центр внимания выносятся то, что в столицах может находиться на периферии или в глубоком андеграунде/подполье. Например, марксистский дискурс «сибирской литературы» в эпоху имперского мистицизма и богоискательства или глубинная духовность сибирских писателей в эпоху социального реализма.

Но, как уже сказано выше, тотальные изменения в области массовых коммуникаций нанесли сокрушительный удар по мифологеме «сибирская литература», и сегодня редакторы и писатели неловко пытаются, с одной стороны, стать не хуже столичных, с другой — сохранить для себя особый «сибирский» статус. Это противоречивое состояние не может продолжаться долго, так как мифологема всё больше приобретает черты архаизма, коим она, в общем-то, пока и является.

Редакторские толстожурнальные попытки усидеть на двух стульях ни к чему не могут привести, кроме как к осознанию простого факта — провинция сегодня не в географии, а только в головах, то есть сегодня как никогда стало ясно, что провинция — это явление исключительно психологическое. Но пока такого осознания не произошло, мифологема «сибирская литература» останется насквозь провинциальной, и причина, кроме прочего, в радикально изменившихся средствах массовой коммуникации, которые размывают индивидуальность и тяготеют к конвейерному способу воспроизводства «быстрых» потребительских мифологем. Данные конвейерные мифологемы обезличены в том смысле, что не позволяют появляться устойчивым долгосрочным течениям, но полностью погружены в общий поток медиа-рекламного воспроизводства, которое в свою очередь требует постоянного искусственного обновления. Столичный книжный рынок погружён в это производство тотально.

Чтобы выйти из такого патового состояния для мифологемы «сибирская литература» необходимо принять свои социально-политические корни и вернуть это как ключевую тему прямого литературного высказывания. В противном случае придётся отказаться от индивидуального статуса и включиться в общий поток капитализации конвейерного филолого-литературоведческого анализа «столичного» типа. Нет необходимости организовывать движений вроде потанинского областничества, но не вызывает никаких сомнений необходимость в самоидентификации, а в чём-то и принципиального выделения себя из торговой столичной тусовки. В данном случае, пример прошлого может послужить отправной точкой для формирования подлинного литературного движения, где именно идеология может оказаться основой высказывания.

Учитывая определённую степень отработанности исторических течений интеллигентского марксизма и буржуазного мистицизма, для актуализации «сибирской литературы» сегодня важно осуществить именно их синтез, то есть использовать уже работающий метод создания статей и произведений, который применяется в конвейерных рецензионных филолого-литературоведческих статьях выпускников бесчисленных гуманитарных факультетов.

При осуществлении синтеза интеллигентского марксизма и буржуазного мистицизма естественным образом появляется социально-политический дискурс на основе христианизированных морально-нравственных категорий. Данный дискурс не нов, но, как ни странно, именно такой подход позволяет преодолеть тотальную ложь современных средств массовой информации и обуздать коммерческое безумие общества капиталистического спектакля. К такому выводу побуждают как пронизывающая общественный организм бесконечная рекламная ритуальность, так и аккумулируемая и перманентно вспыхивающая социальная агрессия. Первое преодолевается социально-политической внятностью, реализмом, второе — христианизированными морально-нравственными категориями. Такое сочетание никоим образом не является марксизмом или христианством, но это, скорее, естественное состояние человеческого мировоззрения, где материалистическая практичность марксизма будет сдерживать

избыточный консерватизм христианизированных общественных институтов.

В столичных монетизированных и чиновничье-номенклатурных системах подобный синтез попросту невозможен. Тот авторитарный спектакль, который называют «столичным литературным процессом» только по инерции считается центральным. В реальности он является одним сплошным, хотя и сложноподчинённым, коммерческим предприятием на периферии капиталистического миропорядка западно-европейского типа, где давно не литература, а вопросы недвижимости, книжного сбыта, должностного продвижения находятся в центре внимания. Тогда как для литературы (по крайней мере, в её русском секторе) в центре внимания могут быть только вопросы взаимоотношений и конфликтов между Богом и человеком. Русская литература — это антропология, стремящаяся к Богу или Бога отрицающая, всё остальное — заимствования.

Таким образом, перерождение мифологемы «сибирская литература» возможно, но только в условиях радикального переосмысления существующей традиции и через выход в авангард культурного делания. Препятствует такому переосмыслению архаичная привычка восприятия столичных центров как центральных, определяющих повестку дня, и, как следствие, копирование столичных систем провинциальной коммерциализации, кружковщины и круговой поруки. Причём внешне представителями современной «сибирской литературы» может заявляться всё что угодно, вплоть до «уникальности сибирской литературы» или сибирских изданий, но на практике декларации оказываются лишь слепком с мифологемы «столичного центра», приправленной романтическими фантазиями о богемных тусовках прошлых эпох.

Шагнуть за пределы собственного, ограниченного заботами сиюминутной повседневности кругозора часто мешают только страх неизвестности и потери имеющегося положения. Такое оправдание может быть вынужденно-необходимым для толстожурнальных редакторов, но для писателя оно совершенно разрушительно. Писатель не может испытывать страха выхода к реальности, так как страх парализует речь.

Реальность же побуждает сегодня осознать мифологему «сибирская литература» в новом свете либо придётся полностью отказаться от свободы художественного высказывания, оставшись в архаичной парадигме капитализированного филологического литературоведения. Таким образом, в настоящем существует возможность не просто частного или общего преодоления, но вывода мифологемы «сибирская литература» как из архаичного и невнятного филологического литературоведения, так и вообще из области пребывания мифологем. Данный вывод есть подлинное преодоление мифологемы и выход к реальной практике современного художественного высказывания.

Настоящий же текст есть пример подобного преодоления и выхода к практике в жанре актуально литературной критики, с чего и следует начинать любую подлинную культурную революцию человеческого и авторского сознания, стремящегося к художественным обобщениям.